

DOI 10.21672/1818-510X-2019-59-2-158-164

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ «ЧЕЛОВЕКА ТЕХНОГЕННОГО»: ГУМАНИТАРНЫЙ И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЙ АСПЕКТЫ ОСМЫСЛЕНИЯ¹

Храпов Сергей Александрович, доктор философских наук, профессор
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Современная эпоха постнеклассической рациональности, как известно, характеризуется методологическим плюрализмом, кризисом исследовательского субъективизма, междисциплинарностью и иными эпистемологическими сложностями, обостряющими проблемность выработки новых целостных теоретических подходов к решению научных проблем. Исследование «человека техногенного» в этом контексте представляется особенно сложным в связи с недостаточностью методологической определенности этого нового социально-антропологического феномена и по причине эпистемологического кризиса, который переживает современная наука. Нами предпринята попытка выявить наиболее значимые тенденции современного эпистемологического кризиса, определяющие проблемность исследования «человека техногенного», а также проанализировать специфику его осмысления в методологическом поле гуманитарных и естественных наук.

Ключевые слова: эпистемологический кризис, методология, сложность, конвергенция, человек техногенный, техногенная цивилизация, гуманитарные науки, естественные науки, биотехнологии, техника

EPISTEMOLOGICAL PROBLEMS RESEARCH “HUMAN TECHNOGENIC”: HUMANITARIAN AND NATURAL-SCIENTIFIC ASPECTS OF UNDERSTANDING

Khrapov Sergei A., D. Sc. (Philosophy), Professor
Astrakhan State University
20a Tatishcheva St., 414056, Astrakhan, Russian Federation
E-mail: khrapov.s.a.aspu@gmail.com

The modern era of post-non-classical rationality, as is well known, is characterized by methodological pluralism, a crisis of research subjectivism, interdisciplinarity and other epistemological complexities, aggravating the problem of developing new holistic theoretical approaches to solving scientific problems. The study of “human-technogenic” in this context is particularly difficult, both due to the inadequate methodological certainty of this new socio-anthropological phenomenon, and due to the epistemological crisis that modern science is undergoing. In this article we will try to identify the most significant trends of the current epistemological crisis, which determine the problematic nature of the study of “human-technogenic”, as well as analyze the specifics of its understanding in the methodological field of the humanities and natural sciences.

Keywords: epistemological crisis, methodology, complexity, convergence, human technogenic, technogenic civilization, humanities sciences, natural sciences, biotechnology technique

*Впечатляющее «волшебство» Hi-Tech способно
оставить в «лохмотьях» человеческое в человеке.
Б. Г. Юдин, «Человек как объект технологического
воздействия»*

Современный эпистемологический кризис и поиск методологии человека. Современный эпистемологический кризис и поиск новой рациональности обусловил турбулентность исследовательских поисков как в гуманитарных, так и в естественных науках. Осмысление «человека-техногенного» как нового социально-антропологического феномена, несомненно, им определено, детерминировано проблемами и сложностями выработки целостной методологии человека [15; 16]. Разумеется, объем данной работы не позволит нам проанализировать весь масштаб и все тенденции эпистемологического кризиса современной науки. Остановимся на ряде особо значимых для темы нашего исследования.

1. Поиск новой рациональности и новой методологии как один из путей выхода из современного эпистемологического кризиса привёл к разработке сложносистемной методологии

---

¹Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00095А «Человек техногенный: когнитивный, социокультурный, виртуальный аспекты формирования». (Was supported by the Russian Foundation for Basic research No.18-011-00095A “Human technogenic: cognitive, socio-cultural, virtual aspects of formation”.)

(К. Майнцер, Э. Морен и др.) [7]. Субъект сложностного познания, как отмечает В. И. Аршинов, – это «не гносеологический субъект, а в некотором роде гибрид природы и культуры, квазиобъект или «субъект-объект», это субъект, действующий в пространстве технонауки, в которой возникает технологически опосредованная конвергенция между материальными уровнями реальности и когнитивными уровнями человеческого опыта... При этом сложностность как нередуцируемая целостность и есть тот контекст, в котором эта “двойная” технокультурная конвергенция только и может в полной мере осуществляться» [2, с. 266]. В этом смысле особенно значимым становится вопрос об исследовании «человека техногенного» как целостного сложностного феномена, бытие которого определено конвергенцией биологической, психосоциальной и техногенной реальности. Причём «сложностное» рассмотрение «человека техногенного» не предполагает его упрощённого противопоставления иным социально-антропологическим типам. Д. Дзоло верно отмечает, что понятие «сложностность» следует использовать не в смысле противопоставления сложного простому и не для описания объективных свойств естественных или социальных явлений, а, скорее, «этот термин отсылает к когнитивным ситуациям... Возникает потребность в рефлексивной эпистемологии, основанной на признании когнитивной взаимосвязи субъекта и среды» [4, с. 31–32]. Именно акцентирование на когнитивных процессах технологизации человека и формировании его «сложности» позволяет более целостно рассмотреть и концептуализировать данный феномен. И. В. Черникова в своей работе «Онтология и эпистемология сложности» пишет: «Когнитивный аспект сложности выявляется особым способом мышления о бытии – сложным мышлением. Этот вид сложности порождается рефлексивно-коммуницирующим субъектом, который осознаёт себя не только как часть и участника эволюции познаваемого им мира, но и как того, кто своей проективно-коммуникативной деятельностью этот мир конструирует. ...Познающий субъект не мыслительная способность, абстрагированная от человека, а человек, когнитивная способность которого детерминирована его телесной, социальной, коммуникативной природой» [18, с. 93]. Упрощённое же представление о «человеке техногенном» как о «жертве» техногенного мира нивелирует его онтофеноменологические атрибуты.

2. Одной из значительных эпистемологических кризисных тенденций является противоречия, часто возникающие при попытках применения сложностносистемной методологии: стремись к сложности, многие исследователи фактически приходят к упрощению «человека техногенного» и его социокультурного мира. Известный философ И. В. Мелик-Гайказян очень точно описывает данное противоречие: «феномен Hi-Tech оказывает унифицирующее воздействие на антропологическую действительность и вызывает упрощение структурной организации социокультурных систем. ...Мы принимаем растущую множественность деталей за сложность и разнообразие, образы коллективной мечты за символы асимптотических целей, деформации социальной памяти за прогресс интеллектуальных традиций, а уравнивающие нас технологии, специфика которых в упрощённом способе воспроизводства результата, за способы обретения родства и могущества» [9, с. 94, 96]. Действительно, сегодня многие теории техногенного общества описывают «техногенность» и «информационность» как абсолютные ценности, символизирующие несомненный качественный сдвиг в цивилизационном развитии, хотя очевидно, что технологии сами по себе, без «антропологического» роста в метафизическом смысле, ведут только к упрощению и «новому средневековью».

3. Эпистемологические проблемы конвергенции НБИКС технологий, являются одними из основных в современном дискурсе о процессах технологизации человека и общества. Среди них особенно необходимо выделить проблему преодоления «автономности» каждой из входящих в них группы (нано-био-информационно-когнитивно-социальных технологий), ведь данная «автономность» продуцирует многочисленные методологические проблемы в создании новой целостной исследовательской модели, с одной стороны, учитывающей и использующей потенциал каждой отрасли знания, а с другой – вырабатывающей качественно новое знание, избегая при этом «суммативного» эффекта. Здесь мы разделяем подход современного философа В. И. Аршинова, согласно которому «синергическое взаимодействие NBICS-технологий неизбежно порождает так называемые эмерджентности, новые качества, предсказать появление которых невозможно на основе традиционного линейного прогноза, построенного лишь на эмпирическом анализе прошлого научно-технологического развития с последующей экстраполяцией его результатов на будущее. Здесь необходим другой, “нелинейно-синергический” подход, способный непосредственно увидеть будущее в настоящем, способный сконструировать его» [2, с. 19]. Работа по преодолению данной «автономности»

(нано-био-информационно-когнитивно-социальных технологий), а также прогнозирование перспектив их новокачественной интеграции особенно значима для формирования целостной методологии «человека техногенного», учитывающей особо сложный характер конвергенции биологического, психосоциального и техногенного атрибутов его бытия.

«Человек техногенный» в методологическом поле гуманитарных и естественных наук. В современную эпоху классическое разделение на «науки о духе» и «науки о природе» (Г. Риккерт, В. Виндельбанд, В. Дильтей) уже исчерпало все методологические возможности, более того – создаёт существенные эпистемологические сложности. Институционализация гуманитарного и естественного знания, обусловленная системой образования научных кадров, с одной стороны, обеспечивает достаточно глубокую компетентность учёного в своей специальности и даже отрасли науки, но становится существенным ограничителем при решении общенаучных вопросов, требующих профессионального включения в различные типы знания. В этом смысле исследование «человека техногенного» представляется особенно проблемным, поскольку требует анализа биологического (медицинского), психосоциального и техногенного аспектов его бытия.

Специфика исследования «человека техногенного» в методологическом поле гуманитарных и естественных наук проявляется в ряде следующих проблемных вопросов. Во-первых, следует отметить методологическую проблему, которая имеет давнюю историю, но именно сегодня она обострена до максимума. Речь идёт о соотношении общенаучной и частонаучной методологий, а также об интеграции методологических аппаратов гуманитарных, естественных и технических наук. Данный «разрыв» между науками до сих пор не преодолен, несмотря на то, что в отечественной науке выработана существенная методологическая база для их интеграции. Особенно здесь следует отметить роль академика И. Т. Фролова и его последователей (Б. Г. Юдин и др.). При формировании новой методологии И. Т. Фролов на первый план вывел «синтетическую и аксиологическую функции философии, применение философской диалектики при решении проблем сущности и существования человека, взаимовлияния социальных и биологических факторов, а также взвешенный скепсис по отношению, как к сциентистской, так и антисциентистской концепции постижения человека» [6]. Несмотря на значимую методологическую традицию, в современном научном сообществе до сих пор доминируют взаимоисключающие установки по отношению к исследованиям «человека техногенного».

Известный философ К. Майнцер считает, что для преодоления «разрыва» между гуманитарными и естественными науками необходимо моделировать динамику современных технологий в экономической и культурной среде, причём моделировать с учётом нелинейных эффектов: «Поскольку экологические, экономические и политические проблемы человечества стали глобальными, сложными и нелинейными, традиционные представления об индивидуальной ответственности становятся сомнительными. Необходимы новые модели коллективного поведения, учитывающие различные степени наших индивидуальных способностей и понимания происходящего. Индивидуальная свобода принятия решений не отвергается полностью, а ограничивается коллективными эффектами сложных систем в природе и обществе» [8, с. 77].

Определённым примером преодоления эпистемологического разрыва между гуманитарными и естественными науками является биоэтика. Так, А. С. Курленкова в своём диссертационном исследовании описывает биоэтику «как вид антропологического знания, который имеет ряд преимуществ, а именно: во-первых, она сохраняет связь с метафизикой (поскольку этика связана с метафизикой), во-вторых, она обращается к данным естественнонаучного познания человека и, в-третьих, обнаруживает проблемы, занимаясь, в конечном счёте, анализом общественно-исторической практики, а именно биомедицины, которая предстаёт “как продукт определенной эпохи и географии”» [5, с. 268]. Но, на наш взгляд, данное преодоление явно недостаточно и упускает из виду целый ряд методологических сложностей, обусловленных влиянием технотехники и технических (инженерных) наук на технологизацию человека.

Сложность объектов современной науки, в частности, «человека техногенного», требует, с одной стороны, «человекоразмерности» естественных и технических наук, а с другой – необходимость использования в гуманитарных науках математических методов, что зачастую вызывает возражения или просто игнорируется гуманитариями даже при исследовании междисциплинарных проблем в контексте синергетической парадигмы. Причём если в педагогических, психологических, политических, экономических, социологических науках математические и статистические методы исследования в принципе освоены и применяются в рамках эмпирических исследованиях весьма активно (правда, не всегда релевантно и корректно),

то в философских науках до сих пор они не используются, более того ссылки в философских науках на данные статистики для многих выглядят странно и вызывают вопросы. Данная ситуация существенно затрудняет выработку целостной методологии «человека техногенного».

Второй существенной на наш взгляд проблемой осмысления «человека техногенного» в интегральном поле гуманитарных и естественных наук является отсутствие целостного общепризнанного антропологического знания. Современная антропология представляет собой набор различных типов антропологического знания и дисциплинарных теорий. Помимо устоявшихся в науке эволюционной (биологической), культурной (социальной) и философской антропологии, сегодня активно дисциплинируют и институционализируют: педагогическую, психологическую, теологическую, политическую, экономическую и информационную антропологию, в каждой из которой человек фактически рассматривается как принадлежность к определенным системным условиям (человек как часть религиозной или экономической системы, носитель определенного типа поведения и т. п.). Подобная антропологическая дифференциация приводит к нивелированию онтофеноменологических атрибутов человека (М. Хайдеггер, Л. Бинсвангер, М. Шелер) и существенно препятствует системному анализу бытия человека в техногенном мире.

Третьей, общей проблемой для гуманитарных и естественных наук является вопрос об улучшении человека. Сама идея улучшения, самосовершенствования человека является, как известно, краеугольным камнем гуманитарного знания. В истории практически все религиозно-этические учения, социально-политические и педагогические проекты пытались реализовать эту великую цель. Но в условиях поиска конвергенции современных высоких (нано-био-информационно-когнитивно-социальных) технологий, идея усовершенствования человека стала осваиваться научным знанием, зачастую утилитарно, существенно угрожая свободе и когнитивной безопасности человека [10; 11; 17]. Парадоксальность данного «технологического улучшения» человека проявляется и в том, что, взяв у гуманитарных наук саму идею о возможности и необходимости самосовершенствования («со-творения» – Н. Бердяев), естественные науки её во многом девальвировали, потеряв её экзистенциально-аксиологический смысл и обострив тем самым огромный пласт этических и когнитивных проблем, которые также не могут быть решены без гуманитарной рефлексии. Справедливость требует отметить, что первые отечественные естественнонаучные концепции улучшения человека носили яркий гуманитарный характер, что, на наш взгляд, объясняется высокой ролью духовно-нравственной проблематики в российской науке и культуре рубежа XIX–XX вв. В частности, в работах русских учёных того периода (Н. К. Кольцова и др.) улучшение человека рассматривалось с точки зрения улучшения его физических, биологических возможностей, но без девальвации его экзистенциально-когнитивных атрибутов.

Современный философ И. Ю. Алексеева справедливо отмечает: «представители русско-го евгенического движения, в отличие от западноевропейских и североамериканских коллег, не формулировали антигуманных рекомендаций из ряда тех, что были впоследствии претворены в жизнь в нацистской Германии. Наоборот, облегчение “физиологического” бремени рассматривалось как шанс актуализации интеллектуальных и творческих потенциалов человека» [1, с. 171]. В этом историческом ключе «особо примечательны» идеи ряда современных российских исследователей из проектной группы «Россия 2045». Руководитель сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН О. В. Попова характеризует данный проект как «социальный заказ на определённый тип человека, который должен воспроизводиться в сложившемся формате социально-экономических отношений для достижения как сугубо частных, так и масштабных политических целей. ... человек должен обладать определёнными качествами, соответствующими требованиям рыночной экономики» [12, с. 308]. Поражает степень деантропологизации идей его представителей, которые откровенно пишут, что «Человеческие ресурсы создаются, выращиваются по самым сложным технологиям, которые являются главным достижением любой страны. Каждая страна “проектирует” своего гражданина, как проектирует свои самолеты, атомные электростанции. Если нет такой возможности..., то “проект человека” покупают у развитых стран в форме идеологии, системы образования и воспитания» [3]. Серьёзные опасения вызывает тот факт, что проект «Россия 2045» уже активно институционализируется, взаимодействует с государственными научными центрами и учреждениями государственной власти. Авторы проекта даже настаивают на смене стратегий цивилизационного развития: «Неочеловечество» представляет новую эпоху – переход к космической сверхцивилизации неолюдей на базе интенсивного развития NBIC

(нано-био-инфо-когно) и GNR (генетик-нано-роботикс) технологий. Неочеловек будет создан на основе появления технологий по созданию искусственного тела» [13]. Подобные деантропологические проекты, несомненно, требуют критики консолидированного научного сообщества, интегрирующего представителей гуманитарных и естественных наук на основе базовых экзистенциально-когнитивных ценностей.

Четвёртый вопрос проблематизации «человека техногенного» в гуманитарных и естественных науках связан с идеей трансгуманизма и её многочисленными версиями. Как пишет Ф. Фукуяма: «постчеловеческий мир может оказаться куда более иерархичным и конкурентным, чем наш сегодняшний, а потому полным социальных конфликтов. Это может быть мир, где утрачено будет любое понятие “общечеловеческого”, потому что мы перемешаем гены человека с генами стольких видов, что уже не будем ясно понимать, что такое человек. ...Мы не обязаны принимать любое такое будущее ради фальшивого знамени свободы, будь то свобода ничем не ограниченного размножения или свобода беспрепятственного научного исследования» [14, с. 347]. Абсолютизация идеологии трансгуманизма существенно укрепляет позиции биотехнологического и робототезированного «улучшения» человека. Создание и внедрение ценностных, методологических и даже законодательных «ограничителей» масштабизации трансгуманизма позволит минимизировать его спекулятивные версии, что укрепит позиции научно-этического подхода к формированию целостной методологии «человека техногенного».

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Современные эпистемологический кризис демонстрирует три наиболее значимые тенденции в исследовании человека и процессов его технологизации: 1) проблемы формирования сложностносистемной методологии, которая пока находится только на ранней стадии своего становления, хотя реальные социально-антропологические условия «требуют» её глубокой разработки и активного, масштабного внедрения; 2) необходимость преодоления «симулятивной сложности», когда формальное применение сложностносистемной методологии на самом деле приводит к упрощённому осмыслению человека и социокультурного контекста (пространства) его бытия; 3) проблемы формирования конвергенции НБИКС-технологий. Осмысление «человека техногенного» в методологическом поле гуманитарных и естественных наук также опосредовано целым рядом проблем, среди которых особо значимыми, на наш взгляд, являются: а) необходимость методологического преодоления «разрыва» между гуманитарными и естественными науками; б) сложности выработки целостного антропологического знания и уход от практики «дисциплинарной дифференциации»; в) проблемы преодоления утилитарной (вульгарной) интерпретации идей «улучшения» и «трансгуманизации» человека, выработка соответствующих ценностных, методологических и законодательных «ограничителей».

Список литературы

1. Алексеева, И. Ю. «Техночеловек» и продолжение истории / И. Ю. Алексеева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2018. – № 4 (57). – С. 167–172.
2. Аршинов, В. И. Конвергирующие технологии в перспективе будущего человека / В. И. Аршинов // Человек и его будущее: новые технологии и возможности человека. – Москва : Ленанд, 2012. – С. 262–273.
3. Грузков, И. В. Воспроизводство человеческого капитала. Философско-экономический анализ / И. В. Грузков, В. Н. Грузков. – Режим доступа: http://www.sspi.ru/dir/_nau/fil/2.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Дзоло, Д. Демократия и сложность. Реалистический подход / Д. Дзоло. – Москва : Высшая школа экономики, 2010. – 318 с.
5. Курленкова, А. С. Медицинская антропология и биоэтика в США и России: историографический и социокультурный анализ / А. С. Курленкова. – Москва, 2013. – 336 с.
6. Лановский, М. Ф. Идентичность человека в мире современных биотехнологий / М. Ф. Лановский. – Москва : Институт философии РАН, 2017. – 219 с.
7. Майнцер, К. Сложностносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез : пер. с англ. / К. Майнцер ; под ред. и с предисл. Г. Г. Малинецкого. – Москва : Либроком, 2009. – 464 с.
8. Майнцер, К. Сложность и самоорганизация / К. Майнцер // Синергетическая парадигма. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000. – С. 61–74.
9. Мелик-Гайказян, И. В. Вавилонская башня – метафора о «семиотическом аттракторе» динамики hi-Tech / И. В. Мелик-Гайказян // Философия науки и техники. – 2016. – № 1. – С. 92–103.
10. Меликов, И. М. Социальная сущность науки и ее духовные проблемы / И. М. Меликов // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – № 10. – С. 48–53.
11. Меликов, И. М. Социальное бытие свободы / И. М. Меликов. – Москва, 2018. – 432 с.

12. Попова, О. В. Биологическое конструирование человека: этико-философские проблемы / О. В. Попова. – Москва : Институт философии РАН, 2018. – 423 с.
13. Россия 2045. Разработка искусственной нервной системы гуманоидного робота (аватара). – Режим доступа: <http://www.2045.ru/expert/219.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
14. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – Москва : АСТ: ЛЮКС, 2004. – 349 с.
15. Храпов, С. А. Проблемы идентификации человека в социокультурном контексте техногенной цивилизации / С. А. Храпов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2018. – № 3 (56). – С. 133–139.
16. Храпов, С. А. Человек техногенной цивилизации: методологические проблемы исследования / С. А. Храпов // Вестник Калмыцкого университета. – 2018. – № 2. – С. 169–177.
17. Храпов, С. А. Кризис сознания: «когнитивный ответ» техногенной цивилизации / С. А. Храпов // Вопросы философии. – 2019. – № 1. – С. 88–95.
18. Черникова, И. В. Онтология и эпистемология сложности / И. В. Черникова // Гуманитарный вектор. Сер.: Философия, культурология. – 2013. – № 2. – С. 91–97.
19. Юдин, Б. Г. Человек как объект технологического воздействия / Б. Г. Юдин // Человек. – 2011. – № 3. – С. 5–20.

References

1. Alekseeva I. Yu. "Tekhnochelovek" i prodolzhenie istorii ["Techno-human" and the continuation of history]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: politics, economy, culture], 2018, no. 4 (57), pp. 167–172.
2. Arshinov V. I. Konvergiruyushchie tekhnologii v perspektive budushchego cheloveka [Converging Technologies in the Perspective of a Future Man]. *Chelovek i ego budushchee: novye tekhnologii i vozmozhnosti cheloveka* [Man, and his future: new technologies and human capabilities]. Moscow, LENAND Publ. House, 2012, pp. 262–273.
3. Gruzkov I. V., Gruzkov V. N. *Vosproizvodstvo chelovecheskogo kapitala. Filosofsko-ekonomicheskii analiz* [Reproduction of human capital. Philosophical and economic analysis]. Available at: http://www.sspi.ru/dir/_nau/fil/2.pdf.
4. Dzolo D. *Demokratiya i slozhnost. Realisticheskii podkhod* [Democracy and complexity. Realistic approach]. Moscow, Higher School of Economics Publ. House, 2010, 318 p.
5. Kurlenkova A. S. *Meditinskaya antropologiya i bioetika v SShA i Rossii: istoriograficheskii i sotsiokulturnyy analiz* [Medical anthropology and bioethics in the USA and Russia: historiographic and sociocultural analysis]. Moscow, 2013, 336 p.
6. Lanovsky M. F. *Identichnost cheloveka v mire sovremennykh biotekhnologiy* [The identity of a person in the world of modern biotechnology] Moscow, Institute of Philosophy RAS Publ. House, 2017, 219 p.
7. Mainzer K. *Slozhnosistemnoe myshlenie: Materiya, razum, chelovechestvo. Novyj sintez* [Complicated thinking: Matter, mind, humanity. New synthesis]. Ed. by G. G. Malinetsky. Moscow, Librocom Publ. House, 2009, 464 p.
8. Mayntser K. *Slozhnost i samoorganizatsiya* [Complexity and self-organization]. *Sinergeticheskaya paradigma* [Synergetic Paradigm]. Moscow, Progress-Tradition Publ. House, 2000, pp. 61–74.
9. Melik-Gaykazyan I. V. *Vavilonskaya bashnya – metafora o "semioticheskom attraktore" dinamiki hi-Tech* [The Tower of Babel – a metaphor about the "semiotic attractor" of hi-Tech dynamics]. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology], 2016, no. 1, pp. 92–103.
10. Melikov I. M. *Sotsialnaya sushchnost nauki i ee dukhovnye problemy* [Social essence of science and its spiritual problems]. *Scientific notes of the Russian State Social University* [Uchenyye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsialnogo universiteta], 2012, no. 10, pp. 48–53.
11. Melikov I. M. *Sotsialnoe bytie svobody* [Social being of freedom]. Moscow, 2018, 432 p.
12. Popova O. *Biologicheskoe konstruirovaniye cheloveka: etiko-filosofskie problemy* [Century Biological human design: ethical and philosophical problems]. Moscow, Institute of Philosophy RAS Publ. House, 2018, 423 p.
13. Russia 2045. *Razrabotka iskusstvennoy nervnoy sistemy gumanoidnogo robota (avatare)* [Development of an artificial nervous system of a humanoid robot (avatar)]. Available at: <http://www.2045.ru/expert/219.html>.
14. Fukuyama F. *Nashe postchelovecheskoe budushchee: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii* [Our posthuman future: Implications of the biotechnological revolution]. Moscow, AST: LUX Publ. House, 2004, 349 p.
15. Khrapov S. A. *Problemy identifikatsii cheloveka v sotsiokulturnom kontekste tekhnogennoy tsivilizatsii* [Problems of human identification in the socio-cultural context of a technological civilization]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: politics, economy, culture], 2018, no. 3, pp. 133–139.
16. Khrapov S. A. *Chelovek tekhnogennoy tsivilizatsii: metodologicheskie problemy issledovaniya* [Human of technogenic civilization: methodological problems research]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta* [Bulletin of Kalmyk University], 2018, no. 2, pp. 169–177.

17. Khrapov S. A. Krizis soznaniya: "kognitivnyy otvet" tekhnogennoy tsivilizatsii [Crisis of Consciousness: "Cognitive Response" of Technogenic Civilization]. *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2019, no. 1, pp. 88–95.

18. Chernikova I. V. Ontologiya i epistemologiya slozhnosti [Ontology and epistemology of complexity]. *Gumanitarnyy vektor. Seriya "Filosofiya, kulturologiya"* [Humanitarian vector. Series "Philosophy, Cultural Studies"], 2013, no. 2, pp. 91–97.

19. Yudin B. G. Chelovek kak obekt tekhnologicheskogo vozdeystviya [Man as an object of technological impact]. *Chelovek* [Man], 2011, no. 3, pp. 5–20.

КАЙРОС: РАСЦВЕТ И ЗАКАТ ВОЛГОГРАДСКОЙ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ¹

Щеглова Людмила Владимировна, доктор философских наук, профессор
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
Российская Федерация, 400066, г. Волгоград, пр. Ленина, 27
E-mail: culture1@mail.ru

Исследованы становление и развитие философской культурологии в Волгограде в 1990–2010-е гг. Выделены три периода её существования, получившие условные наименования «поэтического» (1992–2001), «эсхатологического» (2002–2012) и «экранный» (с 2013 по настоящее время). Для каждого из периодов выявляются особенности темпорального ландшафта, а также основные интенции и доминанты в проблемном поле философской мысли в её актуальном и историко-философском виде. Сделан вывод о кайросе данного этапа в развитии российской философии как моменте встречи двух параллельных темпоральностей, выразившемся в совпадении европейского панлингвизма с русским платонизмом. Выделены основные причины кризиса культурологии и философии культуры.

Ключевые слова: философия культуры, кайрос, время культуры, культурология, история философии, университет, научная школа, высшее образование

KAIROS: THE RISE AND FALL OF THE VOLGOGRAD UNIVERSITY'S PHILOSOPHY OF CULTURE

Shcheglova Lyudmila V., D. Sc. (Philosophy), Professor
Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 Lenin Ave., Volgograd, 400066, Russia
E-mail: culture1@mail.ru

The article analyzes the establishment and development of philosophical culturology in Volgograd in 1990–2010s. Three periods of its existence are identified and conditionally described as "poetic" (1992–2001), "eschatologic" (2002–2012) and "screen" (2013 – to date). Specific features of temporal landscape are revealed within each of these periods, as well as main intentions and dominants in the problem area of philosophical thought, in its actual and historical form. The conclusion is made that the kairos of this phase in the evolution of Russian philosophy is a moment of meeting of two parallel temporalities, that of European panlingvism and Russian platonism. The main reasons of the crisis of culturology and philosophy of culture are revealed.

Keywords: philosophy of culture, kairos, time of culture, culturology, history of philosophy, university, scientific school, higher education

Кайрос – это оптимальный момент, такое стечение обстоятельств, когда некое событие может совершиться, произойти именно теперь, а не раньше и не позже. «Кайрос не имеет времени, но он организует темпоральность таким образом, что обнаруживает в ней смысл, он создает событие, которое и является смыслом времени» [25, с. 355]. В конце 1980-х гг.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Волгоградской области в рамках научно-го проекта № 18-411-340018 «Специфика межпоколенных и межорганизационных связей в формировании профессионального кластера философов и культурологов Волгограда в аспекте воспроизводства интеллектуальной элиты региона». (The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Volgograd Region as part of the research project No. 18-411-340018 "Specificity of intergenerational and interorganizational ties in forming a professional cluster of philosophers and cultural scientists of Volgograd in the aspect of reproducing the region's intellectual elite".)